

ЛИНГВИСТИКА

К ВОПРОСУ О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОМ РАЗНООБРАЗИИ ВОКРУГ ЯВЛЕНИЯ КОНВЕРСИИ

Р.Р. САРКИСЯН

Гаварский государственный университет

В настоящей статье нами предпринимается попытка рассмотреть различные подходы к такому лингвистическому феномену, каким является конверсия. Еще члены Пражского лингвистического кружка отмечали неудовлетворительный характер некоторых лингвистических терминов. “Хотя у нас и существует немалое количество традиционных терминов, таких, как слово, предложение, имя существительное, род, но, как известно, немногие из них вполне удовлетворительны” [14: 119]. Ряд терминов, нуждающихся в уточнении дефиниций и четкой трактовке, по нашему мнению, может быть пополнен и таким специфическим феноменом, каким является конверсия, или транспозиция, или морфолого-синтаксическое словообразование, или несобственная деривация, или флексийное словообразование, или нулевая аффиксация и т.п. Любая отрасль

науки, которая не стоит на месте, а развивается, идет в ногу со временем (и это касается в первую очередь словообразования), время от времени обновляет или пересматривает свой терминологический арсенал. “В области грамматики терминологические затруднения возникают еще из-за того, что одни и те же термины могут применяться к языкам различного строя” [5: 393].

Терминологическое разнообразие вокруг понятия конверсии объясняется прежде всего тем, что данное явление исследовалось с разных точек зрения. Вариативность подходов, которая на первый взгляд кажется сугубо терминологической, позволяет раскрыть сущность этого многоликого явления и показать, что конверсия в различных языках носит весьма неодинаковый характер. Именно поэтому раскрытие сущности данного явления и попытка ее дефиниции проводится нами с учетом типологи-

ческих особенностей русского, английского и армянского языков.

Изучение и преподавание частей речи принято начинать с деления слов на определенные ряды, которые называются частями речи. Группировка слов по частям речи восходит к греческой и латинской грамматике с небольшими изменениями, уточнениями и дополнениями. Однако во всех исследованиях отмечается, что границы между частями речи весьма зыбкие и переход слов из одной части речи в другую – явление, широко распространенное не только в русском, но и в других языках (например, армянском, английском, французском и др.). Такой переход получил в лингвистической литературе самые различные наименования, но, пожалуй, наиболее распространенными являются термины “конверсия” и “морфолого-синтаксический способ словообразования”.

Конверсия, в русистике традиционно именуемая морфолого-синтаксическим способом словообразования, в последние десятилетия 20-ого века стала исследоваться и описываться под разными названиями: несобственная деривация (Н.Д.Арутюнова), корневое словообразование, имплицитное словопроиз-

водство (Ш.Балли), нулевая аффиксация (Г.Марчанд), изменение функции, безаффиксное словообразование, а также флексивное/флексийное словообразование (В.Н.Немченко). Многочисленные дискуссии вокруг этого понятия свидетельствуют о том, что данное специфическое явление, которое исследователи рассматривали с разных, порой даже противоречащих друг другу позиций, нуждается в более детальном и многостороннем изучении.

Еще Л. Блумфилд признавал “несколько искусственный, но на практике в высшей степени удобный способ описания посредством нулевого элемента” [3: 224]. В американской лингвистике Г. Марчанд вводит в оборот понятие “нулевой морфемы”- *absence of suffix, zero suffix, zero derivation*. Г. Марчанд в сущности отрицает конверсию и рассматривает “...безаффиксное словообразование как деривацию при помощи нулевой морфемы”. Сущность такого способа словообразования по Г.Марчанду в “...образовании совершенно отличного слова без присоединения деривационного элемента” [23: 293-294]. Подход Г.Марчанда, тем не менее, не лишен недостатков. Как справедливо от-

мечает Харитончик З.А., "...использование понятия нулевой морфемы, столь значимого в лингвистических описаниях, чревато таким опасным последствием, как возникновение "моря" нулевых морфем в описании морфологически бедного языка" [16: 151], каким является английский язык. Не вполне раскрывает сущность феномена конверсии в русском языке термин "нулевая аффиксация". Дело в том, что при помощи нулевой морфемы в русском языке можно образовать слова типа *тишь, синь, глубь, новь, бег, ход*, которые тоже образованы при помощи нулевой морфемы (точнее нулевого суффикса), однако ставить их на одну плоскость с явными конверсивами, например, субстантивированными прилагательными, на наш взгляд, никак нельзя.

Нулевую аффиксацию как специфический способ именного словообразования рассматривает В.В. Лопатин, противопоставляя этот способ словообразования конверсии. Соглашаясь в целом со Смирницким А. И., который ограничивает конверсию только случаями с совершенно неизменной основой, без звуковых видоизменений в основе (чередования, изменения ударения), В.В. Лопатин высказывается против

другой точки зрения, которую отстаивает М. Докулин, исследующий данное явление в чешском языке. Последний трактует конверсию как такой способ словообразования, при котором возможны фонетические изменения в основе. Вслед за Лопатиным В.В., мы не можем согласиться с таким широким толкованием как конверсии, так и нулевой аффиксации. Лопатин В.В., признавая право на самостоятельное существование такого способа словообразования, как нулевая аффиксация, противопоставляет ей конверсию, приводя субстантивацию прилагательных и причастий как один из способов проявления конверсии в русском языке. При этом особо подчеркивается, что словообразовательные значения при субстантивации выражаются "...специальным формальным средством, которое не используется ни при каком ином способе словообразования: особым изменением парадигмы мотивирующего слова – прилагательного или причастия. Это изменение заключается в том, что парадигма преобразуется не полностью, не качественно, а лишь количественно: сохраняется часть парадигмы прилагательного (система флексий только одного рода) с одновре-

менным приобретением морфологических и синтаксических свойств другой части речи – существительного” [9: 76-79]. Другими словами, ставить знак равенства между такими принципиально различными способами словообразования, какими являются нулевая аффиксация и конверсия, по нашему убеждению, никак нельзя.

Некоторые лингвисты пользуются термином “безаффиксное словообразование”, что не ограничивает исследуемый способ словообразования от чередований внутри корней слов типа *food – feed, sing – song*, где также происходит процесс образования новых слов без аффиксов. Суть безаффиксного словообразования в образовании производных без какого-либо деривационного аффикса. Совершенно справедливо отмечает Харитончик З.А., что “...подобная трактовка, подчеркивающая отличие данного способа словообразования от аффиксации, однако, неконструктивна, так как она не раскрывает сущности происходящих словообразовательных процессов” [16: 150].

Термин “изменение функции”, по нашему убеждению, вообще неудобен в употреблении, так как под ним нередко понимают не способ деривации, а

употребление слова в иной синтаксической функции. Такой подход, который можно назвать функциональным, получил широкое распространение в работах некоторых зарубежных лингвистов (А.Кеннеди, Р.Уоделл, К.Поллок и др.)

Термин “морфолого-синтаксический способ словообразования” в лингвистический обиход ввел В.В.Виноградов. Однако Виноградов В.В. ограничил его действие лишь рамками субстантивации [см. 4: 209 и далее]. В современном языке в рамках морфолого-синтаксического способа словообразования можно выделить субстантивацию, адъективацию, адвербиализацию, вербализацию (в английском языке) и др. Следовательно, ограничивать действие морфолого-синтаксического способа словообразования только рамками субстантивации, по нашему убеждению, нельзя. Шанский Н.М. применяет термин морфолого-синтаксический способ словообразования, считая его по сути особой разновидностью лексико-семантического способа [18: 227]. При переходе слов из одного лексико-грамматического класса в другой последний (а вслед за ним и другие, например, З.А. Потиха [см. 13: 151-152]) выделяет две разновидности этого

перехода: лексикализацию грамматической формы и семантико-грамматическое переоформление целой парадигмы [см. 17: 264, 18: 228]. При лексикализации какой-либо отдельной грамматической формы новое слово получает все признаки, присущие той части речи, в которую оно входит. При семантико-грамматическом переоформлении целой парадигмы формы словоизменения нового слова в известной мере остаются прежними (например, возникшие в результате субстантивации существительные продолжают склоняться как прилагательные).

Флексивный, а также префиксально-флексийный способ словообразования (в числе других способов синхронного словообразования) отмечает Немченко В.Н. [см. 12: 128-134]. При этом подчеркивается, что флексийный способ словообразования отличается от всех остальных способов характером словообразовательного форманта, поскольку в качестве основного словообразовательного средства выступает флексия или система флексий, которая образует парадигму мотивирующего слова. В.Н.Немченко выделяет две разновидности флексийного способа словообразования: чисто флексийное, или морфоло-

гическое словообразование (то есть образование новых слов от слов той же части речи) и морфолого-синтаксическое словообразование, или транспозиция (то есть образование новых слов от слов других частей речи). Последняя связана с изменением морфологической структуры производящих слов, их синтаксической функции и сочетаемости.[см. 12: 116]. Термину “флексивное словообразование” отдают предпочтение и некоторые наши соотечественники. Так, например, Маркосян Г.В. производные такого типа предпочитает все-таки называть “несобственными или флексийными (флексивными) дериватами, так как название “дериват” делает эти слова полными членами деривационных корреляций, единицами, реализующими регулярные мотивирующие потенции основы, лишь за неимением собственного аффиксального средства флексивные, которые в плане словообразования должны быть приравнены функции аффикса” [11: 92-93].

Проблема конверсии впервые была освещена в советской лингвистике в работах А.И. Смирницкого. А.И.Смирницкий, предложивший термин “конверсия”, и его последователи считают

парадигму единственным словообразовательным средством при конверсии [см. 15: 71]. С подобной трактовкой конверсии мы не можем согласиться, так как в этом случае не учитывается роль синтаксической функции и сочетаемости (синтаксические факторы). Остаются в стороне также сематические сдвиги, имеющие место при конверсии. Роль сочетаемости как одного из основополагающих факторов, позволяющих причислить слово к новой части речи, подчеркивается в работах Харитончик З.А., которая в целом соглашается с теми исследователями, которые предлагают рассматривать конверсию “...не как чисто морфологический способ словообразования, но как морфолого-синтаксический способ словообразования, при котором слово одной части речи образуется от основы или словоформы другой, причем единственными словообразовательными средствами является парадигма (или нулевая парадигма) слова и его сочетаемость с другими словами” [16: 151-152].

В зарубежной лингвистике распространен и термин “корневое словообразование”. Корневая концепция трактовки данного феномена предполагает, что

дериваты, образованные данным способом, являются корневыми словами. Однако известно, что путем данного способа деривации образуется значительное число аффиксальных производных, а также композитов: *difference* (различие) – *to difference* (различать), *discomfort* (неудобство) – *to discomfort* (причинять неудобство), *blacklist* (шантаж) – *to blacklist* (шантажировать).

Вопросы о переводе лексем из одной части речи в другую решаются Арутюновой Н.Д. на материале испанского языка. Так, Арутюнова Н.Д. описывает образование испанских отыменных глаголов как “транспозицию лексемы, не осложненную никакими дополнительными оттенками” [2: 84]. Способ создания новых слов “...без участия специальных словообразующих морфем и основы которых не содержат аффиксов...” Арутюнова Н.Д. называет “несобственной деривацией” [2: 86-87].

Термином “конверсия” пользуются и некоторые исследователи армянского языка, выделяя этот способ словообразования наряду с аффиксацией, сложением, аббревиацией, отмечая при этом, что в основе конверсии лежат факторы изменения значения, среди которых особое

место занимает расширение значения слова. [21: 162]. Однако большинство исследователей армянского языка избегают термина “конверсия”, выделяя в то же время такие разновидности перехода слов из одной части речи в другую, как субстантивация, адвербиализация, а также функциональные переходы слов из одного лексико-грамматического класса в другой [См. 19, 20, 22 и др.].

Не менее полемичным является вопрос и в определении направления производности в корреляционных парах. Так, например, если в русистике переход слов в существительные принято называть субстантивацией, то в англистике под субстантивацией понимаются не все процессы перехода слов из других частей речи в класс существительных. Переход глаголов в разряд существительных называется конверсией, а переход прилагательных или причастий в существительные – субстантивацией. И хотя некоторые исследователи английского языка (например, О. Есперсен и другие) относят к конверсии субстантивацию (точка зрения, которой придерживаемся и мы), другие исследователи считают, что разграничение конверсии и субстантивации –

это не просто дань лингвистической традиции, а качественно отличающиеся друг от друга процессы. Так, например, Арнольд И.В. считает, что при субстантивации “...новое слово возникает не в результате единовременного акта словообразования, а как следствие длительного процесса изменения синтаксической функции и значения уже существующего в языке слова” [1: 142]. По мнению Арнольда И.В., сходство с конверсией в данном случае заключается в том, что слово, не меняя своей исходной формы, приобретает все грамматические признаки имени существительного: употребление с неопределенным артиклем, форму множественного числа, ’s как показатель принадлежности). Ср.: *native language – a native, natives, a native’s speech; criminal world – a criminal, criminals, a criminal’s story*. Некоторые такие существительные употребляются преимущественно в форме множественного числа: *sweets, valuables, greens*.

Конверсия как специфический языковой факт – явление многогранное и многоаспектное. Поэтому мы считаем обоснованным мнение некоторых ученых-лингвистов о необходимости разграничивать морфологическую и

синтаксическую конверсии. Когда словообразовательный формант состоит только из набора формантов отдельных словоформ, так что производное слово внешне отличается от производящего лишь своей формообразовательной парадигмой, то это явление, описанное А.И.Смирницким, называют морфологической конверсией. Яркие примеры морфологической конверсии дает не только русский, но и английский язык образованиями типа *master* (хозяин) – *(to) master* (овладеть, справиться), *judge* (судья) – *(to) judge* (судить) и т.д. Суть конверсии здесь в том, что образование слова происходит без помощи специального словообразовательного аффикса, одной только сменой парадигмы: ср. *the master* – *a master* – *master's, masters*; *to master* – *I master* – *he/she masters, mastered, mastering* и т.п. При синтаксической конверсии сигналом образования производного слова является только изменение синтаксической сочетаемости.

Е.А. Земская считает, что конверсия занимает “...промежуточное место между способами безаффиксными, при которых аффиксы не играют роли словообразовательного средства) и аффиксальными (при которых

действуют специальные деривационные аффиксы)” [6: 180].

Признавая право на существование за всеми перечисленными терминами, мы, однако, предпочитаем пользоваться термином “конверсия”, а дериваты, образованные при помощи этого способа словообразования, предпочитаем называть “конверсивами”, опираясь на определение, которое приводит Карашук. “Конверсия определяется как такой тип словообразования, при котором новые слова возникают без изменения основной формы исходного слова, т.е. без добавления или изменения каких-либо морфем, но в другой части речи и, следовательно, включаются в новую парадигму, получают новые синтаксические функции и сочетаемость и новое лексикограмматическое значение” [7: 129]. Посредством конверсии не образуются слова, новые с фонетической точки зрения, однако, получая новую семантику, слово в этом случае приобретает и новые структурно-грамматические свойства. Среди специфических характеристик, которые “...позволяют отличить словообразовательные процессы от всех прочих актов номинации на других уровнях строения языка”, Кубрякова Е.С. выделяет не

только семантические, но и формальные характеристики. “Производное наименование представляет собой новое слово, поэтому его формальные характеристики не повторяют в своей совокупности тех, которые присущи исходному слову (ср., например, изменение парадигматических характеристик слова при конверсии или так называемой безаффиксальной транспозиции)” [8: 22].

Таким образом, многостороннее рассмотрение явления конверсии (причем в языках, относящихся к различным морфологическим типам) позволяет сделать вывод о том, что конверсия представляет собой не механическую транспозицию слов из одной части речи в другую, а сложный процесс, детерминирующий семантические, морфемно-морфологические и синтаксические сдвиги, обусловленные качественным изменением парадигмы мотивирующих слов, что обязательно должно найти отражение в определении данного лингвистического феномена.

Попытка разобраться в большом многообразии определений данного способа словообразования имеет не только теоретическое, но и практическое значение для разработки эффективной методики обучения языкам. Анализ программ и школьных учебников по русскому языку для общеобразовательных школ Армении показывает, что основное внимание в школе уделяется морфологическому способу словообразования как самому продуктивному и богатому своими разновидностями. Однако мы считаем, что изучение конверсивов, присутствующих и в родном языке учащихся-армян, но в качественном отношении отличающихся от аналогичных единиц русского языка, должно занять подобающее место в процессе обучения русскому языку. Ведь как справедливо отмечает Маркосян Г.В., “...характер конверсии – это то, что выпукло отличает систему русского словообразования от словообразования в армянском языке” [10: 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. –М., 1959.- 352с.
2. Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования (на материале испанского языка). –М., 2007.- 288с.
3. Блумфилд Л. Язык. –М., 1968.- 606с.
4. Виноградов В. В. Вопросы современного словообразования. //В кн. “Избранные труды. Исследования по русской грамматике”. –М., 1975.- 560с.
5. Есперсен О. Философия грамматики. –М., 1958.- 400с.
6. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. –М., 1973.- 304с.
7. Карашук П. М. Словообразование английского языка. –М., 1977.- 302с.
8. Кубрякова Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. –М., 1981.-200с.
9. Лопатин В.В. Нулевая аффиксация в системе русского словообразования.//Вопросы языкознания, 1966. N1. –С. 76-88.
10. Маркосян Г.В. Словообразование как лингводидактический перекресток.//Русский язык в Армении, 2000. N1. –С. 6-10.
11. Маркосян Г. В. Словообразовательная парадигма в функциональном освещении (на материале отсубстантивной деривации). Диссертация кандидата филологических наук. –Е., 2002.
12. Немченко В. Н. Современный русский язык. Словообразование. –М., 1984.- 256с.
13. Потиха З. А. Современное русское словообразование: Пособие для учителя. – М., 1970.-384с.
14. Скаличка В. Ассиметричный дуализм языковых единиц.// В кн. “Пражский лингвистический кружок. Сборник статей”. –М., 1967.- 558с.
15. Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. –М., 1959.-260с.
16. Харитончик З. А. Лексикология английского языка. –Минск, 1992.-229с.
17. Шанский Н. М. Очерки по русскому словообразованию. –М., 1968.-310с.
18. Шанский Н. М. Русский язык: Лексика. Словообразование. –М., 1975.-239с.
19. Մելիքյան Մ., Հայոց լեզվի տեսություն, Երևան, 1965:-699 էջ
20. Մրմախանյան Ա., Ժամանակակից գրական հայերեն, Երևան, 1981:-320 էջ
21. Խաչատրյան Լ., Լեզվաբանության ներածություն, Երևան, 2008:-303 էջ
22. Խլիարյան Ֆ., Ժամանակակից հայոց լեզու, Մաս Բ, Երևան, 2010:-240 էջ
23. Marchand H. The Categories and Types of Present-Day English Word Formation, Weisbaden, 1960.- 379p.